

УДК 81'373

Е.Е. Брукс¹

E.E. Brooks

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ

TERMINOLOGY POLYSEMY IN INTERLANGUAGE CONTEXT

Автор статьи попытался раскрыть многозначность терминологии и ее применение в разных языках на примере специальной лексики в русском и английском языках, а также причины трудностей, с которыми специалисты сталкиваются в межъязыковых коммуникациях, и возможности их избежать.

Ключевые слова: полисемия, семантика, терминология, коммуникация, язык и мышление, заимствования.

The author of the article tries to define and disclose the polysemy origin of terms, in general, and of special terminology in Russian and English, in particular, and at the same time, trying to find the reason of difficulties which scientists face in interlanguage communication, looks for the way how to avoid it.

Keywords: polysemy, semantics, terminology, communication, language and mentality, borrowings.

Специалисты, преподающие иностранный язык, впрочем как и преподаватели технических специальностей, таких, как физика и др., в своем большинстве считают, что термины, которыми насыщен язык для специальных целей, как его назвал В.М. Лейчик [11, с. 9], и особенно интернационализмы, т.е. слова, взятые из третьего языка (например, латинского или греческого), заключают в себе единое и абсолютно точное значение как в английском языке, так и в русском. И, тем не менее, те же специалисты и ученые-физики, изучая литературу по своей специальности на английском языке, время от времени сталкиваются, как они сами в этом признаются, с определенными терминами, где, по их мнению, согласно контексту должно употребляться другое слово или термин. Напри-

¹ Аспирант НОУ ВПО «Российский новый университет», старший преподаватель кафедры иностранных языков НИЯУ МИФИ.

мер, если в словах 'engineering' и 'technics' путаницы обычно не возникнет, то в случае, почему написано 'techniques', а не 'methods', может возникнуть вопрос. Здесь можно вспомнить слова П.А. Флоренского, который сказал: «...я считаю, что вовсе не столь нужно научить системе... как выпрямить самые понятия и тем облегчить путь...» (1918) [19].

В первую очередь нужно напомнить, что терминология служит для разграничения близких понятий, используемых в определенном виде деятельности людей [4, с. 85]. Г.О. Винокур указывал, что «... термин – это не особое слово, а только слово в особой функции» [7]. Через принадлежность к определенной терминологии термин получает однозначность и независимость от контекста, в отличие от слов-нетерминов [4, с. 85]. В таком случае, если термин однозначен, то какие проблемы могут возникать при его применении?

Во-вторых, если мы употребляем в речи термин иностранного происхождения, здесь частыми случаями могут служить слова-интернационализмы. Существует ошибочное мнение, что интернационализмы появились в эпоху глобализации, т.е. совсем недавно. На самом деле произошло это очень давно, и на их появление оказали большое влияние, в первую очередь, латинский и греческий языки. В этом случае мы имеем дело с интернациональной лексикой, где два языка, русский и английский, заимствовали соответствующее слово из какого-нибудь третьего языка (например, из греческого или латинского). Так в области физики появились такие слова, как: *atom* (атом), *quantum* (квант), *theory* (теория), *energy* (энергия) и др.; а в области техники: *radiator* (радиатор), *transmission* (трансмиссия), *airplane* (аэроплан), *hydroplane* (гидроплан), *antenna* (антенна), *radius* (радиус), *radio* (радио) и др.

Следует напомнить, что в России, как и в прогрессивных странах Европы, латинский язык долгое время был языком науки вплоть до XVIII века. Не только в Москве в Славяно-греко-латинской академии, первом научном учреждении России, но и в Сорбонне во Франции, в Оксфорде и Кембридже в Англии все науки изучались на латинском языке. В нашей стране на этом языке были написаны многие научные труды М.В. Ломоносова, а также ряд трудов Н.И. Пирогова, М.Я. Мудрова, на латинском писали свои сочинения голландский философ Спиноза (1632–1677), английский ученый Ньютон (1643–1727) и другие ученые того времени; на латинском языке был составлен первый документ в истории русско-китайских отношений – Нерчинский договор 1689 года. Здесь следует вспомнить, что французский и немецкий языки также оказали большое влияние как на русскую, так и на английскую лексику, чему имеется множество примеров, а многие из этих заимствований, в свою очередь, пришли в немецкий и французский языки из той же латыни или греческого.

В своей книге «Латинский язык и основы терминологии» А.И. Рудова говорит, что научный термин – это слово или словосочетание, точно обозначающее определенное понятие в науке, что именно благодаря латинскому языку терминология стала международной. Например, слово «компьютер» – латинского происхождения: *sum + puto = computo* (считаю), в английском языке оно специализировалось и означает «специальная машина» [14, с. 128].

Многие ученые считают, что, несмотря на засорение русской и английской лексики словами, заимствованными из других языков, в целом эти языки не пострадали от притока иноязычных элементов, а, скорее, наоборот, их словарный состав обогатился. И когда сталкиваешься с иностранным текстом, в котором встречаешь подобные заимствования, на первый взгляд всем понятны как отдельные лексические единицы, так и в общем о чем идет речь. Однако непрофессионалы не помнят, а порой и не знают такого понятия, как «употребляемость слова» (*usage*), и, находясь под впечатлением знакомой графической формы слова, делают буквальный перевод, тем самым нарушая нормы родного языка, особенно в области сочетаемости слов, в то время как слова в других языках, которые ассоциируются и отождествляются благодаря сходству в плане выражения, могут не полностью или даже полностью не соответствовать друг другу в плане содержания или по употреблению [3, с. 45]. А.Д. Швейцер называл это «ложной аналогией» и нарушением стилистической нормы речи [20, с. 182]. То есть, те или другие структурные варианты слова могут различаться стилистически, и в этом случае они могут быть названы его *стилистическими* вариантами (стилистическими формами слова – согласно терминологии В.В. Виноградова [5]).

В-третьих, даже в специальной лексике встречается много слов, которые имеют несколько значений, что называется терминологической полисемией. Интернационализмы – и те имеют семантические расхождения не только в языках, которые заимствовали эти слова, но порой они по смыслу расходятся со значением слова в языке, откуда было оно взято. Так, например, на кафедре электротехники в НИЯУ МИФИ, учебный курс которой – теория цепей, есть наиболее употребительные термины, такие, как «цепь» или «схема» [2]. В учебнике по этой дисциплине Л.А. Бессонова «Теоретические основы электротехники» можно найти определение данных понятий: «Электрической цепью называют совокупность соединенных друг с другом источников электрической энергии и нагрузок, по которым может протекать электрический ток. Изображение электрической цепи с помощью условных знаков называют электрической схемой». Получается, что схема – это изображение цепи, не оговаривается какая-либо граница между этими понятиями. А в оригинальном английском учебнике эта разница существует: “...To differentiate between a *circuit* and a *network*...” [2].

Рассмотрим этот пример подробнее. Слово «схема» произошло от греческого “schema” – «вид, форма, образ». Слово «цепь» первоначально – «чепь, чепить» – «липнуть, цепляться» с буквой «ц» закрепилось в русском языке после XV века. Английское слово “circuit” – латинского происхождения: “circulus” означает «круг, окружность», как и русские слова «циркуль, цирк и т.п.»; а слово “network” состоит из “net – паутина” и “work – работа”. Слово “scheme” присутствует в терминологии английского языка, но они его в этом смысле не употребляют. Судя по всему, этот термин имеет другой смысловой оттенок, хотя в словарном русском переводе на первом месте стоит «схема»: 1. схема; план, проект; 2. система; процедура; последовательность операций [1, с. 611]. Вероятно, англоговорящие «электрическую цепь» как «схему» не видят. Из этого следует, что «вид, образ» и «чепь – липнуть» в образном русском языке с его глаголами образа действия не имеют принципиальных отличий и качественно не отличаются от понятия «изображение цепи», а в английском «круг, окружность» действительно отличается от «паутиной работы» (особенно если смотреть со стороны образного русского языка), что соответствует оригинальному источнику: “Since the elements of an electric circuit can be interconnected in several ways, we need to understand some basic concepts of network topology. To differentiate between a circuit and a network, we may regard a network as an interconnection of elements or devices, whereas a circuit is a network providing one or more closed paths. The convention, when addressing network topology, is to use the word network rather than circuit. We do this even though the words network and circuit mean the same thing when used in this context. In network topology, we study the properties relating to the placement of elements in the network and the geometric configuration of the network. Such elements include branches, nodes, and loops...”

Для того чтобы разобраться в данном вопросе, следует обратиться, в первую очередь, к истокам языковых явлений. В учебниках английского языка можно узнать практически все, что касается вопросов полисемии и заимствования в языке. Так, в английском языке мало слов, как, например, «водород», «молекула», которые имеют одно значение. Такие слова-термины называются однозначными. Но очень много слов, которые имеют несколько значений и называются многозначными, например слово ‘table’, разбор которого можно найти практически в каждом учебнике: «как посредством русского “стол”,

так и с помощью французского ‘table’ или английского ‘table’ мыслится практически *одно и то же*, поскольку имеется в виду предмет «стол». Но к мысли о столе в случае употребления русского слова присоединяется лексико-грамматическое значение *мужского* рода, а кроме того, каждый раз грамматическое значение того или другого *падежа* и определенного *числа* (единственного или множественного), в зависимости от того, какая форма данного слова употреблена. Напротив, при той же мысли о столе в случае применения французского слова имеется лексико-грамматическое значение *женского* рода и отсутствует грамматическое значение падежа, тогда как значение числа (хотя оно и есть) оказывается обычно не выраженным в самом слове, но выражается артиклем и др. Что касается английского слова ‘table’, то оно несет значение и числа, и падежа, но не передает значения грамматического рода и т.п. (см. статьи и учебники по семантике и языкознанию). Но здесь дается только грамматический разбор слов, который не показывает многозначности этого слова. К примеру, в английском языке в научной лексике это слово может давать такие понятия, как «таблица» или «диаграмма» и т.д. В.В. Виноградов, занимаясь проблемой многозначности, дифференцирует значение от использования в контексте – тот же известный ‘usage’. Он считает, что значения фиксированы и общи для всех людей, которые знают язык данной системы. Но в использовании возможно только применение одного из значений многозначного слова [5, с. 33].

Существует и другой подход к данной проблеме, когда многозначность рассматривается диахронически, где она понимается как рост и развитие, либо как изменение в семантической структуре слова, и здесь возможны изменения, когда слово может сохранить свое предыдущее значение или значения, и в то же время получает одно или несколько новых. При таком подходе можно выделить два типа смысла в семантической структуре слова: первичное значение и второстепенное. Учеными обнаружено, что основным источником полисемии является изменение семантической структуры слова.

А.И. Смирницкий утверждал, что «используемое для осмысления предмета (явления) слово *выражает* определенный смысл, содержание известного практического или теоретического понятия, которое и выступает как *смысловое значение слова*» [16]. Далее ученый рассуждает, что, «имея определенное семантическое образование, слово может еще иметь *структурное*

значение» [16]. По мнению А.И. Смирницкого, структурное значение слова может отличаться от его смыслового значения: «оно может *структурно значить* не то, что оно выражает, что оно значит как заключающее в себе определенный *смысл*, как база для мысли» [16, с. 20–47], что является особенно важным для специалистов технических специальностей. Также при семантических изменениях, как правило, добавляются новые смыслы к уже существующим в семантической структуре слова. Полагаю, что здесь можно привести довольно любопытный пример, когда, с точки зрения российских специалистов, в русском обиходе и в английском техническом языке одному слову соответствует диаметрально противоположный смысл.

Когда в русском языке мы говорим, что «транзистор открыт (или ключ открыт)», то мы подразумеваем, что он пропускает ток, то есть находится в состоянии “ON”. Соответственно, «транзистор закрыт (или ключ закрыт)» для нас означает состояние “OFF”, т.е. ключ не пропускает ток. В английской литературе, когда пишут “open swith”, подразумевают разомкнутые контакты ключа, т.е. состояние “OFF”. Соответственно, Closed = “ON”.

Конечно, приведенный пример не отражает «энциклопедических определений» этих терминов (там все запутанней, и вместо открывается/закрывается используют turn on/off). Вероятно, в данном примере это связано с тем, что в русском языке это глаголы образа действия, а в английском, в большинстве, это глаголы направления, а также предлоги применяются для определения направления действия. А по сути речь здесь идет о том, какой смысл специалисты обычно придают этим словам при обсуждении работы различных схем и даже не обращают на это внимания.

В дополнение нужно сказать, что некоторые из старых значений могут устаревать или могут вообще исчезнуть, но большая часть английских слов направлена на увеличение числа значений. Существует также историческая изменчивость слов, когда отдельные значения слова могут отличаться в разные периоды исторического развития языка. В этом случае можно привести такой пример, как физический термин «импульс»: по определению он равен произведению массы тела m на его скорость v , то есть mv . В русской литературе долгое время такое произведение называлось «количество движения», что в точности соответствует формуле. Последнее время предпочитают говорить «импульс» (которое имеет латинские корни), а «количество движе-

ния» считается немного устаревшим термином, хотя иногда его употребляют. Следовательно, фактическое расположение значений в семантической структуре любого слова (первичное и второстепенное) в любой исторический период является результатом семантического развития этого слова в системе того или иного языка.

Много научных трудов по проблеме полисемии и семантики в языке («От полисемии к семантике») написано отечественными и зарубежными исследователями. И везде специалисты отмечают, что при семантическом многообразии необходимо обращать внимание на корень слова, т.е. на терминологическое ядро. Необходимо отметить суждение о том, что именно в терминологическом ядре и заключается ментальный смысл того или иного словообразования, является довольно устойчивым в научной среде. А.И. Смирницкий, занимаясь вопросами многообразия полисемии и семантическими значениями слов и рассуждая о тождестве слов, считает, что, «качественно отличаясь от лексических значений, являющихся семантическим ядром слова, различные грамматические значения сами по себе не расщепляют единства этого ядра, и тем самым различия между грамматическими формами слова совершенно беспрепятственно соединяются с его тождеством...» [17].

Со стороны эпистемологии Франц Роннеберг в своей работе «Массовая коммуникация» (1977) утверждал, что при парадигме среды необходимо применять функционально-сравнительный способ. И в этом случае можно найти ряд закономерностей в рассматриваемых языках, например латинский префикс ‘RE-’, который обозначает направление действия или процесса (см. учебники по латинскому языку), а в русском языке приставка РЕ – это движение широкое (переносящее энергию), зачастую возвратно направленное: РЕка, РЕмень, РЕзать (см. работы «Образы русского языка»). В английский язык данный префикс пришел из старофранцузского и передает значение повторения действия и часто соответствует русской приставке ПЕРЕ-: РЕact, РЕgress и т.д. (см. учебники по грамматике английского языка, лексикологии и заимствованиям в английском языке).

По нашему мнению, исследование данного вопроса необходимо начинать со своего родного языка – русского. Все учебники по русскому языку указывают на образность нашего языка, к которому требуется слоговый подход. Недаром русисты занимаются вопросами морфологиче-

ского и фонетического характера. Слоговость в русский язык пришла из древнерусского, где не просто слово в целом имело какой-либо образ, а каждый слог являлся образом, и из сочетания таких образов составлялась целостная картинка каждого слова. Для большего восприятия и понимания написанного можно привести в пример слово, которое мы уже брали ранее, – это слово СТОЛ, который, в свою очередь, можно соотнести с образом, который это слово отражает при слоговом письме: СЪ-ТО-ЛЪ. Тогда получаем: СЪ – Связи; ТО – ТОпы (сТОпа – то, на что опираются); ЛЪ – Ладонь (Лань, Лата) – то, на чём размещаются яства. При этом образ, который заключён в слове, должен сохраняться (даже дополняться) при рассматривании слова «с изнанки» (при прочтении СЛОГОВ справа налево). Слово СТОЛ при этом будет читаться как ЛЪ-ТО-СЪ – ЛАД ТО СЕМЬИ (см. работы «Образы русского языка»). (И здесь уже можно задуматься при сравнении эквивалентов этого слова в английском “table” и французском “table”.) В таком случае в русском языке слово оказывается не монолитным, а структурно-сложным, где необходимо рассматривать семантику каждой его части. И в то же время слово выступает как нечто цельное. По словам А.И. Смирницкого, «цельнооформленность слова, естественно, сама по себе выражает известную смысловую цельность» [16]. Здесь же ученый дает точное и подробное определение «смысловой цельности», говоря, что «она подчеркивает, что данный предмет или явление мыслится, прежде всего, как нечто одно, особое целое, даже если при этом и отмечается сложность его строения или выделяются отдельные его признаки» [16, с. 143].

В то же время А.И. Смирницкий, занимаясь вопросами английского языка и связывая семантику с «грамматической оформленностью слов» (согласно его определению), указывал на подобные явления в речи. В своих изысканиях он пришел к выводу, что зачастую значение слова не монолитно, а является, по его словам, «структурно сложным». Он выделил компоненты в значении слова, которые «могут и не соответствовать каким-либо признакам предмета, выделенным в смысловом значении слова, или соответствовать последним лишь приблизительно или условно» [16]. По его утверждению, значение слова довольно часто имеет «сложный состав и определенное строение», что может не соответствовать или не полностью соответствовать смысловому значению слова, т.е. не

совпадать с теоретическим или практическим понятием.

А.И. Смирницкий указывал на влияние «отдельных морфем слов», которые могут отражать те или иные «признаки и стороны предмета или явления, обозначаемого данным словом в целом, но не обязательно это будут существенные его признаки и важные его стороны» [16], т.е., по существу, отдельно взятая морфема, которая находится в составе определенного слова, «оказывается лишь очень отдаленно и косвенно связанной с общей лексической его семантикой» и, в таком случае, она не способствует «ее раскрытию или даже... препятствует этому» [16, с. 143–156]. Так обстоит дело с английским словом ‘table’, обозначающим «таблица».

Здесь следует сказать, что при тщательном рассмотрении русских слов подобным образом, и из данного примера в том числе, можно сделать вывод о том, что язык – это система словесного выражения мыслей, и это может увидеть практически любой, даже не специалист, но русскоговорящий. У древних греков слово *logos* означало одновременно *слово, мышление, разум и речь*. А древнегреческий философ Аристотель (IV век до н.э.) полагал, что в основе грамматики лежит логика. Вопрос о *значении* слова принадлежит, с одной стороны, к проблеме слова как такового, но с другой стороны, он относится к такой важной проблеме общего характера, как проблема соотношения мышления и языка. Вспомним труды К. Маркса и Ф. Энгельса, где говорится, что «связь между мышлением и языком не механическая, а органическая: их нельзя отделить друг от друга, не разрушая того и другого. Не только язык не существует вне мышления, но и мысли, идеи не существуют оторванно от языка» [18, с. 99]. В этом случае, при выделении терминологического ядра в словах-терминах в английском и русском языках, даже если эти термины заимствованы из греческого или латыни или из какого-либо другого языка, где также следует выделять терминологическое ядро, помимо языковедческих вопросов мы сталкиваемся с вопросами логики и психологии. А.В. Петровский отмечал, что, «будучи усвоен конкретным человеком, язык в известном смысле становится реальным сознанием» [13, с. 98]. Это утверждение соответствует мнению современных психологов, которые определяют сознание как «человеческую форму отражения действительности», а язык обозначает ее и выражает в мысли.

По мнению Вильгельма Гумбольдта – основателя теории «гипотеза лингвистической отно-

сительности», чьи суждения довольно популярны в лингвистических кругах и в наше время: «в разных языках знаки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [9]. А Эдвард Сепир, который пошел в своих рассуждениях еще дальше, заявлял, что «миры, в которых живут различные общества, – отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки. Язык по-своему членит действительность, и человек находится во власти конкретного языка. Реальный мир строится на языковых нормах данного общества» [15].

Рассматривая взаимосвязи мышления и речи, необходимо остановиться на исследованиях, которые проводил Л.С. Выготский. В своих работах по педагогике и психологии он показал значение слова для психического развития человека и его сознания. Согласно его «теории знаков», на более высоких ступенях развития наглядно-образное мышление превращается в словесно-логическое «благодаря слову, которое обобщает в себе все признаки конкретного предмета» [8] (по-видимому, логически и возможно объяснить пример с «открытым и закрытым ключом», приведенным выше). Л.С. Выготский считает, что слово является тем «знаком», который позволяет развиваться человеческому мышлению до уровня абстрактного мышления. Однако слово – это также средство общения, поэтому оно входит в состав речи. При этом «специфической особенностью слова является то, что, будучи лишены значения, слово уже не относится ни к мысли, ни к речи, но, приобретая свое значение, оно сразу же становится органической частью того и другого» [8].

Учитывая данную особенность слова, Л.С. Выготский считал, что именно «в значении слова заключается единство речи и мышления. При этом высший уровень такого единства – это речевое мышление» [8], а это тот уровень, к которому необходимо стремиться при обучении английскому языку молодых ученых в технических вузах. И здесь можно вспомнить слова Фримена Дайсона, английского физика-теоретика, работавшего в США в 20-х годах прошлого столетия, который говорил, что «нужно научиться думать непосредственно и бессознательно на языке квантовой механики и больше не пытаться объяснить все с помощью доквантомеханических понятий» [10, с. 92–94].

В современных работах западных специалистов по проблеме мышления, речи и сознания просматриваются интересные факты. Так, в январе 2015 года вышла на русском языке очередная книга английского психолога Эдварда де

Боно «Искусство думать», который утверждает, что так называемое *западное мышление*, используя анализ, суждение и аргумент, в большей степени относится к тому «что это» (т.е., можно сказать, что английский язык предполагает «одномерную» систему мышления). Он считает, что этого не достаточно и что существует еще один аспект мышления, который имеет дело с тем, «что может быть». По его мнению, этот тип мышления предполагает творческое мышление и «проектирование направления вперед», т.е. учиться думать «по-другому», умение посмотреть на задачу под другим углом и решить ее нестандартно [2]. Это и есть так называемое *латеральное* (в переводе с английского – «боковое») *мышление*, т.е. искусство думать «по-другому» [21]. То есть, английские психологи, давая современное определение «западному мышлению», указывают, как можно это назвать, на работоспособность «западного мышления», т.е. «анализ, суждение, аргумент».

Отбрасывая всё не нужное для данного исследования и переходя к семантическому разбору научной лексики, на которой мыслят ученые, и сравнивая всё это со слоговой образностью русского языка, непроизвольно приходим к выводу о разности англо-американских не просто подходов, а видения слов в научной терминологии. И тогда становится понятным, почему в русском языке употребляется термин «схема», а в английском “circuit”, почему “table” – это не только «стол», а еще и технический термин «таблица, диаграмма». И не без основания, ЮНЕСКО, говоря о важности сохранения языкового наследия по всему миру, подчеркивает важность этого вопроса, так как язык является не только «важным средством коммуникации или вектором культуры и фильтром мировоззрений и ценностей, но также неотъемлемой частью самосознания и идентификации, как отдельной личности, так и общества в целом, и что это находит свое отражение в историческом опыте по всему миру» [22].

К уже сказанному можно добавить определение, которое предложил Ю.С. Маслов в своей книге «Введение в языкознание». Он сформулировал практически все основные изменения, которые претерпевают заимствуемые слова в процессе их перехода в другой язык: «Заимствование есть активный процесс: заимствующий язык не пассивно воспринимает чужое слово, а так или иначе переделывает и включает его в сеть своих внутренних системных отношений» [12]. Нельзя забывать главное: во время заимствования происходит сужение семантики

иноязычного слова, так как многозначное слово обычно заимствуется в одном конкретном значении – и происходит процесс ассимиляции этого слова, т.е. отображение предмета, явления или отношения в сознании в заимствующем языке.

В заключение можно сказать, что рассмотрение терминологической полисемии в межъязыковом контексте является вопросом сложным и многогранным, где этимология и семантика научных терминов в разных языках находятся в очень сложных отношениях друг к другу: в каких-то случаях их значения совпадают, а в каких-то семантика слова выходит из древнего слова, преобразуется и начинает надстраиваться, и порой между ними возникают противоречия.

Литература

1. Англо-русский физический словарь (около 60 000 терминов) / под ред. Д.М. Толстого – М. : Советская энциклопедия, 1968.
2. Брукс Е.Е. Построение концепции целостного образования в НИЯУ МИФИ // Современная коммуникативистика. – 2015. – № 2. – 60 с.
3. Брукс Е.Е. Технологический подход к обучению профессиональной лексике // Современная коммуникативистика. – 2015. – № 1. – С. 45–50.
4. Брукс Е.Е. О терминах и терминологии // Цивилизация знаний: российские реалии : в 2 ч. : труды Пятнадцатой Международной научной конференции, г. Москва, 25–26 апреля 2014 г. – М. : РосНОУ, 2014. – Ч. I. – С. 85–87.
5. Виноградов В.В. О формах слова / Известия Академии наук СССР. Отд. лит-ры и языка. – 1944. – Т. 3. – Вып. I.
6. Виноградов В.В., Черных П.Я., Аванесов Р.И. Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина / В.В. Виноградов, П.Я. Черных, Р.И. Аванесов. – М. : МГУ, 1952. – 412 с.
7. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – Т.У. : сб. статей по языковедению. – М., 1939. – С. 3–54.
8. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М. : Педагогика, 1991. – 480 с.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г.В. Рамишвили. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
10. Дайсон Ф. Новаторство в физике // Элементарные частицы : сб. Над чем думают физики. – Выпуск 2. – М. : Наука, 1963. – С. 92–94.
11. Лейчик В.М. Терминоведение : предмет, методы, структура. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.
12. Маслов Ю.С. Введение в языкознание : учебник для филологических специальностей вузов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.
13. Петровский А.В. Общая психология. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1976. – 479 с.
14. Рудова А.И. Латинский язык и основы терминологии : учебное пособие. – Оренбург : ГОУ ОГУ, 2003. – 128 с.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 656 с.
16. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956. – С. 20–47, 143–156.
17. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) : труды Института языкознания АН СССР, Изд. АН СССР. – М., 1954.
18. Спиркин А. Архив Маркса и Энгельса, т. 4, 1935. Философская Энциклопедия: в 5 т. – М. : Советская энциклопедия / под редакцией Ф.В. Константинова. 1960–1970. – С. 99.
19. Флоренский П.А. Цит. по : Андроник, игумен. Священник Павел Флоренский, профессор Московской духовной академии // Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985). Богословские труды : юбилейный сборник. – М., 1986. – С. 241.
20. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика : учебник. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
21. Эдвард де Боно. Искусство думать. Латеральное мышление как способ решения сложных задач. / пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2015 – 176 с.
22. Акт ЮНЕСКО о позиции в образовании «Образование в многоязычном мире» / Когда, где, как и почему это произошло / гл. ред. Майкл Уорд Дэвисон. – М. : Ридерз Дайджест, 1998.